

ГОРИЗОНТЫ ЕВРАЗИЙСТВА

Ю. В. Линник

**Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова.
— Новосибирск: Параллель, 2010. — 449 с.**

На моем рабочем столе лежит великолепная книга «Евразийский мир. Ценности, константы, самоорганизация». Вышла она в Новосибирске в 2010 г. Автор книги — симфоническая личность (смею этот термин Л.П.Карсавина, охватывающий грандиозные совокупности, сузить до небольшого творческого коллектива). Писали книгу семь человек. Число отсылает к семицветию радуги, ее символика получает в книге новое осмысление. Вот авторский спектр: Ю.В.Попков, Е.М.Тюгашев, А. В. Иванов, М. Ю.Шишин, Л.Б.Четырова, Х. Цоохуу, Х. Цэдов — каждый самобытно преломил и воплотил бескрайний дух Евразии, но

все вместе гармонически образовали одну творческую целостность.

Мощная, гулкая, широкая книга!

Здесь получили достойное развитие интенции наших прозорливых евразийцев. Их идеи подняты на повышенный уровень, им задан остро современный контекст, они экстраполированы на будущее.

Это очень важно, очень нужно, очень актуально.

В ретроспективе видишь со всей четкостью и непреложностью: евразийство сломало старую историософскую парадигму — вывело мысль на совершенно неожиданные позиции, с которых многое стало видеться иначе. Оно резко и радикально изменило не только теоретизирование на тему России, но и наше субъективное ощущение — переживание, экзистирование — ее сущности. Можно сказать так: чувство родины стало другим — чудодейственно углубилось и расширилось. В нем зазвучали небывалые обертона.

**Линник Юрий Владимирович - доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии Карельской государственной педагогической академии.**

Благодаря евразийству мы обрели новую точку зрения на себя. И вместе новую опору — новую внутреннюю силу.

Мы — срединные.

Мы — самая широкая в мире пограничная полоса: по одну руку — Запад, по другую — Восток. А. А. Блок прав: мы — щит между ними.

Угроза приходила с обоих направлений. Но ведь не только она! С двух сторон к нам двигалась информация — и генная, и языковая, и культурная. Являя всевмещение, мы ненасытно впитывали ее. Наша харизма — способность к синтезу.

Мы — двойственны.

Точнее — двуедины, двусущностны.

Нас сравнивали и со сфинксом, и с кентавром. Закономерно, что метафоры строятся на ассоциации с миксантропным зверем — в нас много чего намешано.

Это прогрессивно: смешение, шихтование.

Сплав получается прочнее.

Славянское — угрофинское — тюрское: на каком сепараторе можно разделить компоненты? Теперь это одна кровь. Синтетическая, симфоническая.

Вот как А. В. Иванов и М. Ю. Шишин описывают одну из евразиек: «На рынке города Ховда, столицы Западной Монголии, можно встретить потрясающий по красоте женский типаж, где черные, как вороново крыло, волосы оттеняют алебастрово белую кожу и большие голубые глаза» (с. 362).

Завораживающий портрет!

Кто художник?

Миксис!

Сегодня грядущего перемеса народов кое-кто боится как жупела. Собственно, почему грядущего? Этот процесс шел всегда. Но ныне он вступает на наших глазах в предельно активную фазу.

Где сохранился чисто славянский геном?

В глухом Полесье?

Маловероятно!

Черноокая сербиянка: туранского в ней с избытком — восточное доминирует. Где исходная основа? Если не смыта вовсе, то оттеснена в рецессив.

— Братья-сербы! — вопию при натовской бомбежке. — Отвечает кто? По сути братья-турки. Они биологически внедрились в автохтонов. И как их теперь изгнать оттуда?

А это белокурая поморка.

Какая чистая русская речь! Но ведь юницу из Неноксы вполне можно выдать за мисс Суоми: финно-угорский субстрат проявился в ней со всей очевидностью.

У России–Евразии были подобия в прошлом.

Это эллинистический мир.

И это Византия.

Параллелизмы, выявленные в книге, волнуют. Скорее будоражат! На скрытые доселе связи и унисоны брошен яркий свет.

Александр Македонский — доподлинный евразиец.

Греко-буддизм: чего стоит один этот феномен!

Ученик Аристотеля поощрял браки своих воинов с иноземными женщинами. Перегородки между народами рушились. Планетарное мышление впервые заявило себя утвердительно и строительно.

Раннему христианству в полной мере передалась вселенскость александровых устремлений.

Вот настоящее имя православного святого Иоанна Дамаскина: Мансур ибн Серджун Ат-Таглиб. Эллинизированный араб, он являлся видным чиновником в мусульманской Сирии — как бы предвосхитил положение и византийских иерархов после падения Константинополя, и их русских братьев по вере во времена татаро-монгольского ига. Истинный евразиец! Сколько культурно-этнических слоев просвечивает в нем? Он действовал на фоне раннего ислама. Мы видим, как в его судьбе завязывается христианско-мусульманский узел, столь существенный для евразийской проблематики. Ну да, цареградская София стала мечетью. Но это все-таки лучший удел, нежели тот, который выпал на долю многих античных храмов, порушенных неопитами в первые века н.э.

Византия в разных вариантах осуществляла симбиоз культурных традиций. По наведенному ею мосту евангельская истина устремилась на Восток. Дальше всего ее продвинули несториане. Они добрались до Китая. Удивительные люди! Евразийский дух нашел в них сильное и своеобразное воплощение.

Под эгидой Византии — в ее сакральном пространстве — дошел до Индии апостол Фома. В ретроспективе кажется, что параллельно его следам — но на более высоких широтах — торили свой путь наши миссионеры, достигшие Японии, Камчатки, Алеутских островов.

Евразийство осуществило ценностную ревизию — если не сказать больше: своего рода нравственную реабилитацию — татаро-монгольского ига. В нем был увиден позитив.

Как так?

Это казалось дерзостью — вызывало возмущение и негодование — воспринималось как провокативный вызов.

Спор Л. Гумилева и В. Чивилихина будет воспроизводиться в веках. Единодушие здесь невозможно. Да и не нужно! Мы имеем дело с явлением, которое следует назвать устойчивой антиномией — она уходит от разрешения. И хорошо. Иначе наша мысль станет вялой и дряблой.

Вряд ли можно сомневаться в том, что матрица, заложенная империей Чингисхана, каким-то образом сработала — исподволь навела неявные силовые линии — при образовании Российской империи. Имела ли тут место необычная форма наследственности? Никто не знает. Проблема бездонна.

Так или иначе, но ордынский импринтинг многое предопределил в юной русской душе — с этим нельзя не считаться.

Мы страна–средостение.

Промежуточное положение — вечная осцилляция между Западом и Востоком — предопределяют наш менталитет.

Еще мы похожи на огромную губку — или на гигантский сросток капиллярных сосудов: неумолимо впитываем противосторонние вливания, впрыскивания — и на линии Урала перелопачиваем их, получая то эликсир молодости (творческий дух не стареет!), то гремучую смесь (подрываем свои же устои!).

Мы страна–граница. Это оксюморон? Но он отражает сущность.

Граница наша двойка в своих свойствах: она прозрачна для диффузии культурных ценностей — и она непроницаема, при нормальном состоянии государства, для губительных агрессий.

Типично евразийская категория пограничности отлично проанализирована в книге А. В. Ивановым.

Что диалектичней границы?

Она разделяет — и связывает, отчуждает — и роднит, ссорит — и мирит.

На порубежье происходит, по словам А. В. Иванова, «активное со-вмещение граней различных культур» (с. 82. Выделено А. В. Ивановым. — Ю. Л.). Александр Македонский примеряет к себе рога Амона — змее-ногая скифская богиня Апи становится мотивом русской вышивки — самский идол оборачивается детской игрушкой-панкой. Все эти события-метаморфозы берут начало на границах.

Здесь обостряется чувство святынь.

И здесь непомерно возрастает чувство долга.

В книге интересно сказано о богатырских заставах Древней Руси, где кристаллизовалось национальное самосознание — о различном чувстве границы у нас и в Европе — о миссии казачества.

Приведем значительную цитату из А. В. Иванова: «Словом, когда «вертикальная» духовная ось бытия евразийских народов незыблема и ее непримиримые ценностные полюса отчетливо осознаны, тогда не страшны никакие внешние и внутренние супостаты» (с. 79). Границы при удержании нравственных высот оказываются на сверхнадежном замке.

Столь же глубоко в книге исследована категория срединности. В соответствующем разделе мы находим такое эспрессивное вопрошание: «Разве извечная онтологическая подозрительность русского человека к банкирам-ростовщикам не имеет под собой совершенно рациональных оснований...?» (с. 138).

Язык у Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева емкий, выразительный. Он обладает силой суггестивного внушения.

Однако должен честно признаться, что я не согласен с ними по существу. Авторы стоят на ясно заявленных антилиберальных позициях. Егор Гайдар оказывается у них в одной кровавой компании с Иваном Грозным.

В книге мы можем встретить такое утверждение: сам евразийский ландшафт отталкивает прочь от себя, отторгает либеральную экономику — будто здесь наличествует нечто подобное тканевой несовместимости.

Так ли это?

Мне кажется, что эта экономика — как и либерализм в целом — инвариантны при любых переносах в земном пространстве. Вслед за Ф. Фукуямой я готов утверждать, что либерализм и впрямь является из себя если не конечную, то на сегодняшний день вершинную веху в эволюции человечества. Может, выше и впрямь некуда подниматься — не знаю.

Но вот что я понял со всей смиренностью — и утвердил в себе как приватную методологическую платформу: у нас всегда будут не только евразийцы, но порознь европейцы и азиаты — западники и славянофилы — мятежники и консерваторы — рационалисты и интуитивисты — фермеры и общинники и т.д.

Я беру уроки у Д. Актона и И. Берлина — и это не мешает мне восхищаться А. Хомяковым и К. Леонтьевым.

Кто-то бросит: эклектика! Пусть так. Но мне мнится, что с годами я научился воспроизводить в себе — причем без всякого насилия, с внутренней естественностью и даже комфортностью — разнообразие русского мышления.

Искомая правда: она тоже соборная — синергийная — симфоническая.

Такова правда евразийства.

Надо научиться синхронно смотреть на мир и с европейской кампании, и с русской колокольни, и с азийского минарета.

Нам очень не хватает взгляда с Востока.

Увлеченно читаемая и перечитываемая мной книга успешно восполняет этот дефицит.

Е. А. Тюгашев строит обзорную вышку в Монголии, Л. Б. Четырова — в Калмыкии, М. Ю. Шишин и А. В. Иванов — на Алтае.

Вот несколько выборочных, но весьма характерных деталей.

Монголия: у греческого Аполлона и монгольской элиты общий тотем — волк. Поэтому две культуры могут разговаривать на языке волчьей стаи, утверждая евразийское единство на архетипической глубине. К чему толмачи?

Калмыкия: хан Дондук Омбо — евразиец с ног до головы — отказывается принимать монаршую грамоту стоя, этим утверждая свою духовную неслиянность при безусловном приятии имперской нераздельности. Достойное поведение!

Алтай: разные народы, населяющие его, конвергируют в пиетете и трепете перед ледниками — нельзя приближаться к их кромке, ибо на белых вершинах обитают бессмертные духи. Сакрализация природы объединяет и высветляет людей.

К книге приложен евразийский словарь, составленный Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым — это полезнейший опыт. Месторазвитие — идея-правительница — флагоподобие России-Евразии: в этих точных терминах есть еще и поэтическая красота.

Авторам явно не чужд Мусагет.

Когда Е. А. Тюгашев считает, что о симфонизме Евразии можно и должно говорить в терминах научного музыковедения, то он не только отдает дань поэзии, но и закладывает плодотворную эвристику. Прочитав его: «гармонизация перестает быть пустой метафорой» — пора подумать о нотации межэтнических отношений в многоголосом звучании Евразии (с. 196).

Вот какое соображение-пожелание появилось у меня в процессе изучения книги: надо бы для разработки евразийской проблематики привлечь синергетику — на ее основе закладывается будущая парадигма.

Бифуркации — нелинейное развитие — режимы с обострением — непредсказуемые эффекты взаимодействия: все это широко и могуче осуществляется на евразийском пространстве.

Я был и остаюсь либералом-евразийцем.

Эти понятия совместимы уже хотя бы потому, что наличествует сближение по крайне важному — быть может, сегодня самому животрепещущему — пункту: это неприятие ксенофобии. В книге приветствуется «позитивная ценностная установка на метисацию» (с. 15).

У нас есть шанс обновить свою дряхлеющую, сильно отравленную чекизмом кровь.

В. И. Вернадский говорил: живое вещество течет. И что ему любые плотины? Оно просачивается где угодно, не обращая внимания на погранпосты. Это реология — совсем не политика.

Спасение России — в ее евразийской природе.

Книга, написанная талантливым септетом, укрепляет меня в этом уповании.

HORIZONS OF EURASIAN

Yu.V. Linnik

**Eurasian world: values, constants, self organization / Edited by Yu.V. Popkov. —
Novosibirsk: Parallel, 2010 — 449 p.**